

П.Г. Цивлин

ТАК ЭТО БЫЛО

16+

Петр Григорьевич Цивлин

Так это было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56443054

SelfPub; 2021

Аннотация

Петр Григорьевич Цивлин родился в 1901г. в многодетной семье столяра. С раннего детства познал нужду и тяжелый физический труд. В 17 лет вступил добровольцем в Красную армию, боролся за установление советской власти. После окончания гражданской войны был направлен на строительство крупнейших промышленных и оборонных объектов – первенцев пятилеток, крупных станкостроительных и авиационных заводов страны. Во время войны под его руководством построен один из участков нефтепровода Астрахань-Саратов для обеспечения разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом; восстановлены плотины в Донбассе, доки Севастополя и др; Петр Григорьевич – один из многих, поверивших в возможность построения нового справедливого общественного строя. В наши дни, когда многое из этого прошлого фальсифицируется и забалтывается, воспоминания очевидца о героическом подвиге нашего народа представляют исторический интерес.

Содержание

От редактора	4
Глава 1. Детство	6
Наша семья	6
Еврейский погром	13
“Квартиранты”	15
Смерть матери	22
В людях	27
Глава 2. В годы 1-ой мировой и гражданской войн	50
1-ая мировая	50
Накануне революции	58
На гражданской войне	63
Курсы Политотдела Юго-Западного фронта	75
На польском фронте	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Петр Цивлин

Так это было

От редактора

Петр Григорьевич Цивлин родился в 1901 г. в многодетной семье столяра. С раннего детства познал нужду и тяжелый физический труд. В 17 лет вступил добровольцем в Красную армию, боролся за установление советской власти. После окончания гражданской войны был направлен на хозяйственную работу, а потом за успешную деятельность – на учебу в харьковскую промышленную академию имени Сталина. С начальным образованием в рамках 2-х классов церковно-приходской школы (талмудторы) освоил такие дисциплины, как высшая математика, физика, химия, сопротивление материалов и т. п., и был направлен на строительство крупнейших промышленных и оборонных объектов страны – первенцев пятилеток.

Непосредственно перед войной руководил строительством крупных станкостроительных и авиационных заводов страны. Во время войны под его руководством построен один из участков нефтепровода Астрахань-Саратов для обеспечения разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом; восстановлены плотины, разрушенные против-

ником в Донбассе; воссозданы доки для подводных лодок на Северной стороне Севастополя и др;

Петр Григорьевич – один из многих, поверивших в возможность построения нового справедливого общественного строя. Это был добрый, талантливый и смелый человек, не жалевший сил и здоровья для достижения этой цели. Умер он в 1964 г., написав незадолго до смерти, интереснейшие воспоминания о том грозном, сложном и противоречивом времени.

В наши дни, когда многое из этого прошлого фальсифицируется и забалтывается, воспоминания, очевидца о героическом подвиге народов России, представляют исторический интерес.

Глава 1. Детство

Наша семья

Мой отец был плотником-отходником и получаемой им зарплаты (35–40 рублей в месяц) едва хватало на то, чтобы прокормить семью, состоящую из восьми человек (родители, пятеро братьев и сестра). А, так как сезонный заработок не обеспечивал и эту зарплату, то приходилось думать о более стабильном заработке. Это и привело в 1902 году нашу семью в г. Александровск Екатеринославской губернии (ныне Запорожье), где отец после долгих хождений поступил, наконец, работать на вейлочную фабрику. Заработок 40 рублей в месяц здесь обеспечивался постоянно и, при отсутствии заболеваний, можно было содержать семью при условии, что на покупку одежды и найм жилья тратилась самая малость. Других расходов, кроме налога, я не помню. На такие развлечения, как театр и кино, расходов не было, не только из-за отсутствия денег, но и потому, что в отличие от нынешней детворы, мы – дети рабочей бедноты, до 10–12 лет их просто не знали.

За все детские годы я не помню, чтобы из окон нашей квартиры мы могли бы видеть проходившего мимо человека в полный рост. Для этого надо было опуститься в приемок,

который по глубине сам был в рост человека. Это объяснялось тем, что жилье наше было в подвале и поэтому стоило дешевле обычного. Но зато оно полностью избавляло нас от солнца, света и других вещей, необходимых людям и, конечно, ребятишкам.

Но зато недостатка в сырости не было. Все стены, до потолка, подтекали. Всегда в любое время года по ним текли ручьи влаги, и никакие жаровни из древесного угля собственного производства не могли их высушить, хотя горели они по углам помещения круглые сутки.

Влага проникала также со снегом и дождем, засыпавшими и заливавшими оконные приемки, с той разницей, что снег можно было выбросить лопатами, а с дождем это сделать было нельзя.

Одежда наша стоила сравнительно недорого. Она состояла из китайки или чертовой кожи для брюк и ситца стоимостью 6–7 копеек за аршин для рубашки. Приобреталась одежда раз в году к пасхе. В отдельных случаях эти расходы принимало на себя благотворительное общество, но эти случаи относились лишь к годам учения в школе, которая также содержалась на средства этого общества и влачила жалкое существование.

Все детские годы мы – четверо мальчиков – спали на полу. Это объяснялось не тем, что родители к нам плохо относились, а тем, что спальных мест у нас не было. Две имевшиеся жесткие кушетки были нужны: одна для сестры, которая

была старше нас, и поэтому неудобно было нам, мальчишкам спать вместе с ней, другая – сдавалась квартиранту, что улучшало материальное состояние семьи.

Отец затрачивал очень много сил для того, чтобы содержать семью. Кроме основной работы он вынужден был искать дополнительные заработки в виде ремонта мебели или жилья у соседей. Это обуславливалось также правилами, принятыми в нашей семье. Мы никогда ни у кого не занимали деньги и ни перед кем не унижались.

Порой, это вызывало зависть соседей. Говорили:

– "Видно у рыжего столяра есть сбережения в банке, иначе как они справляются без долгов?". А секрет был прост. Чтобы накормить семью из восьми человек мать готовила на завтрак всем, включая детей, чай с хлебом. Обед состоял из двух блюд: борщ и картофель или каша, иногда с мясом. Зимний ужин мне запомнился в виде большого горшка отварной картошки, одной селедки – «залом» на восемь человек и чая. Летом, когда появлялась зелень, отощавшее за зиму семейство подкармливалось.

Герш Ехелевич Цивлин – отец автора воспоминаний.

Наша мать была очень добрая женщина. Не зная покоя ни

днем, ни ночью, она изыскивала ей одной известные способы, чтобы прокормить семью, особенно кормильца. Чтобы сэкономить на питании она сама пекла хлеб на неделю. При этом выпечка стоила дешевле, да и черствый хлеб ели меньше. Но как ни тяжелы были материальные условия, родители, будучи сами безграмотными людьми, решили, во что бы то ни стало, дать образование детям. Тем более, что старшего брата, благодаря его способностям, принимали в Городское училище за казенный счет, несмотря на процентную норму, установленную для евреев.

Все было бы замечательно, если бы не чрезмерная святость нашего деда по отцовской линии. Вообще-то дед проживал на родине отца, и мы его никогда не видели и не знали. Но когда ему стало известно, что его внук ходит по субботам в школу и, тем самым, грешит против бога, он прислал отцу грозное письмо, предлагая немедленно забрать брата из училища, т. к. в противном случае он его проклянёт.

Для отца с матерью, которые по уровню своего понимания не совсем разбирались в религиозных вопросах, но безусловно верили, что бог есть, это было суровое предостережение. Отец по характеру не был «бунтовщиком». Скорее всего, он забрал бы старшего брата из школы, но не успел. Плохая одежка, некачественное питание, отсутствие медицинской помощи, а главное средств на покупку лекарств, привели к тому, что всех наших ребят вповалку уложил дифтерит.

Первым слег в самом тяжелом состоянии старший брат и, не выдержав, скончался. Смерть брата объяснили, проклятием деда. В это верили многие из наших соседей и далеко не все готовы были осудить его за жестокость.

Нужно заметить, что тогда врачей и других медработников было немного, да и те, что были, оказывали медицинскую помощь за плату – рубль за визит.

Семья рабочего не могла платить такие деньги врачу, да еще за лекарства, так как весь дневной заработок составлял около одного рубля и двадцати копеек. Поэтому лечиться были вынуждены народными средствами. Так было и в данном случае при лечении нашего дифтерита.

Квартиру мы снимали у частного владельца, рабочего – литейщика Соснина по улице Жуковского. Его жена – прекрасной души человек была в большой дружбе со своими квартиросъемщиками, в основном бедными людьми: рабочими, кустарями – ремесленниками. Она всегда приходила на помощь всем, кто в ней нуждался.

И на этот раз, не опасаясь перенести инфекцию на своих детей, которых у нее самой было четверо, она принялась лечить нас собственным методом, который может вызвать ужас у современных врачей.

Известно, что при заболевании дифтеритом в горле образуются гнойные мешки, которые давят на дыхательные пути и, если их вовремя не устранить, то они могут задушить ребенка. Поэтому в тяжелых случаях врачи надрезают гор-

ло и ставят трубку на время кризиса болезни. Это, видимо, знала наша домохозяйка. Каждый вечер она являлась к нам в подвал, усаживала каждого из нас к себе на колени, крепко обнимала, открывала рот и сильным нажимом указательного пальца разрывала гнойные образования и выпускала гной, после чего давала запивать чаем. Так продолжалось несколько дней, после чего мы все выздоровели без каких-либо осложнений.

Еврейский погром

В 1905 году в Запорожье, как и во многих других городах России, были революционные выступления рабочих. Для их подавления царским правительством наряду с армией и жандармерией использовалась, так называемая "черная сотня", цель которой состояла в том, чтобы породить национальную рознь и отвлечь внимание рабочих от революционных выступлений. По указанию старшего начальства руководители черной сотни Щекотихин и Примаков при содействии местных властей организовали еврейский погром. Переодевшиеся полицейские, пьяницы и пропойцы ходили по домам, расположенным по рабочим окраинам, и грабили семьи бедняков еврейского происхождения.

Наш хозяин работал на заводе «Работник» литейщиком, а его сын Иван – слесарем. Отец хозяина был старовер. Он занимался на рынке розничной торговлей. В день погрома хозяева на работу не пошли. На окнах всех квартир своего дома, в том числе тех, где проживали евреи, были нарисованы кресты. Сами хозяева заперли ворота и стали у калитки дожидаться гостей.

Несколько раз группы пьяных черносотенцев пытались проникнуть в квартиры еврейских семей, но каждый раз встречали решительный отпор Соснина и его семьи. Так мы были спасены от разгрома погромщиков.

А ведь наш двор, сам по себе небольшой, был населен 10–12 семьями ремесленников и рабочих-евреев с многочисленными стариками и детьми. Между прочим, это лишний раз свидетельствует о том, что антисемитизм не приходит сам по себе, а сознательно насаждается сверху, чтобы отвлечь внимание от истинных виновников зла.

“Квартиранты”

Как я уже упоминал, мать, чтобы как-то облегчить положение семьи, сдавала койку с «харчами» одинокому квартиранту. Был он, как мне смутно помнится, молодым человеком, по специальности столяром, работавшим на стройке вместе с моим отцом. Время было беспокойное, так как после восстания и демонстраций 1905 года в городе шли повальные обыски и аресты. Однажды наш квартирант не пришел ночевать, и это обеспокоило родителей, так как человек он был очень аккуратный.

На утро к нам пожаловала полиция. Обыск продолжался более часа, что не мало для занимаемой нами небольшой площади. Полицейские всё поставили вверх дном, но обыск ничего не дал, если не считать страха, который они нагнали на родителей и детвору. После ухода полиции за единственной картиной, висевшей на стене в большой комнате и изображавшей рай с ангелами и божествами, отец вдруг обнаружил нелегальные брошюры, которые туда припрятал наш молодой симпатичный квартирант. Если бы их обнаружила полиция, то наш отец, вряд ли бы, отделался только тревогой.

Мать и отец были неграмотные, но очень честные, трудолюбивые и отзывчивые люди. В нашем доме я часто видел гостя, которого ни отец, ни мать не знали и не состояли с ним ни в каком родстве.

Дело в том, что в то время многие лица преследовались за свои взгляды, получали «волчьи» паспорта, запрещавшие нанимать их на работу. Вот они и скитались из города в город, не имея права оставаться где-либо на постоянное жительство более суток, ведя бродячий образ жизни. Поэтому на рабочих окраинах существовала традиция представления приюта такому страннику.

При его появлении какая-либо из рабочих семей брала этого человека к себе на иждивение и содержала день-два, пока не соберут средства и харчей для его дальнейшего путешествия. И хотя в каждом доме было "шаром покати", выражать недовольство было не принято. Наоборот, отец и мать, а по их примеру мы – дети, относились к такому человеку с максимальным уважением, чтобы он, не дай бог, не почувствовал благотворительности, а принимал всё, как должное. Мать стирала для него одежду и приводила ее в порядок, его усаживали в удобном месте за столом, выделяли лучший кусок, укладывали спать поудобнее. И это принималось, как должное, естественное.

Сегодня это может показаться странным, неправдоподобным, но тогда, это было действительно так, и в этом проявлялась большая солидарность трудового люда.

Ведь все мы жили в страшной бедности, едва сводили концы с концами. Люди понимали, что не сегодня – завтра каждого может постигнуть та же участь, и поэтому отказать такому страннику в гостеприимстве считалось большим гре-

хом. Меня и сейчас жена, порой, упрекает за то, что я готов товарищу или знакомому отдать последнюю рубашку. Но это не является результатом особой щедрости натуры, а воспитано обстановкой, царившей в нашем доме с тех пор, как я себя помню.

Нужно сказать, что эта благотворительность была не стихийной, а организованной. Для содержания таких странников между рабочими устанавливалась очередь, и никто не вправе был уклониться от участия, иначе ему грозило общее осуждение. Но бывало и так, что среди странников оказывался опустившийся человек, готовый на злоупотребления. Так, однажды, у нас появился странник, утверждавший, что направлен к нам на постой.

Не помню, сколько он у нас прожил – сутки или двое. За это время мы собрали ему средства на дорогу, мать отремонтировала и почистила ему одежду. Получив всё, что было ему собрано, он ушел, но не дальше трактира, где пропил все собранное ему родителями. Об этом узнали мой отец и другие рабочие семьи, участвовавшие в сборе средств. Отец был очень разгневан. Человек он был спокойный, доброжелательный и я никогда не предполагал, что он способен на такую суровость. Он надавал пьянице по щекам, и его с презрением изгнали из нашего района. Это было понятно, ведь оказывая помощь, любая семья отрывала у себя последнее, урезала и без того скудный, голодный паек. Притворство, обман в этом случае были святотатством. Но такие случаи бы-

ли редки.

Мои дети и внуки, знакомые часто удивляются, что я даже будучи нездоров, не могу находиться без дела, проводить время без определенной цели, в прогулках и т. п. Но удивительного в этом ничего нет, так сложилась жизнь.

Когда мне было шесть лет от роду, мой отец, как я уже рассказывал, работал на веялочной фабрике, выпускавшей веялки для сельского хозяйства. Фабрика находилась в центре города, а мы жили на окраине и, чтобы успеть на работу отец уходил в пять утра и работал там до шести вечера. Обычно к концу недели, чтобы заработать побольше, он работал круглые сутки, не заходя домой.

Понятно, что при такой работе отца нужно было кормить. Поэтому мать вставала еще раньше и принималась разделять поставленное с вечера тесто, из которого она готовила пирожки с картофельной начинкой. И вот здесь начинались мои заботы. К восьми утра я должен был отнести завтрак отцу. Делал я это с большой охотой и гордился, что мне доверяют.

Чтобы поспеть к завтраку, особенно зимой, вставать мне приходилось в полседьмого утра, а на обратном пути я должен был захватить древесные отходы – стружку для отопления нашего жилища. Следует сказать, что топливо мы не покупали, а заготавливали из отходов, которых на фабрике было много. Хозяин разрешал рабочим брать эти отходы безвозмездно, так как это избавляло его от необходимости вы-

возить их из города. Я собирал мешок с древесной стружкой и щепой, а так как мой рост был не на много выше мешка, то я укладывал его на голове и придерживая руками отправлялся домой. При этом я старался нигде не останавливаться, так как снова водрузить мешок на голову мне стоило большого труда. Придя домой, я долго не мог расправить шею (проходило не меньше часа пока мышцы переставали болеть). Но сознание того, что я помогаю семье, искупало всё.

Я видел, как тяжело трудятся мои родители, не позволяя себе никаких излишеств (мой отец никогда не пил и не курил), поэтому я считал своим долгом выполнять эти обязанности, а когда стал старше – отправлялся за топливом и по два раза на день по собственной инициативе, не ожидая напоминаний. Зато зимой у нас всегда было тепло, а что такое тепло для нашей квартиры – это я хорошо знал.

За всю свою жизнь, сколько себя помню, я не слышал ни со стороны отца, ни со стороны матери ни одного грубого слова, как между собой, так и в адрес детей. Это наложило отпечаток и на наши характеры и на манеру поведения. Дети росли немногословными, скромными, трудолюбивыми и упорными. Но при этом в наших отношениях проявлялась большая теплота друг к другу. Это было привито нам с детства личным примером отца и матери, а не нотациями и привлекая к работе, родители обращались к нам не иначе, как с просьбой, а уж мы готовы были в огонь и в воду, лишь бы выполнить их просьбу возможно лучше.

Работы, которые отец брал на дом, выполнялись после семи часов вечера. После сравнительно короткого ужина из картошки, селедки и чая, отец приступал к изготовлению табуреток, кухонной утвари или ремонту мебели для получения дополнительного заработка. Вечерами он работал по 3–4 часа, и не было для меня в это время лучшего места, чем находиться рядом с отцом. По моей просьбе отец учил меня поперечной распиловке, долбежке, а потом и продольной распиловке, строжке и т. п. Таким образом, еще в раннем детстве я узнал и полюбил труд. И с тех пор не помню, чтобы когда-либо и где-либо я находился без дела.

Не могу сказать, что мои отец и мать были уж очень набожные люди, хотя молитвы отцом исполнялись исправно. К этому до 13-летнего возраста он принуждал и нас. Но так как мы жили на рабочей окраине, и большинство моих товарищей были детьми русских рабочих, особых успехов в приобщении меня к религии (а также остальных братьев) отец не достиг. Правда, не помню, чтобы он особенно страдал по этому поводу, да и времени для этого у него не было. Тем не менее, когда мне исполнилось 6 лет, меня отдали для изучения талмуда в хедер к частному учителю.

Обычно на изучение талмуда затрачиваются годы, и после окончания учебы в хедере наиболее способные и набожные ученики уходили для продолжения образования в ишибот (своеобразный институт), где всю свою жизнь посвящали спорам по проблемам талмуда. Но у отца средств и воз-

возможностей для этого не было (за учебу в хедере надо было платить). Поэтому после года учебы отец забрал меня и отдал в талмудтору.

Это была единственная в Запорожье небольшая школа для еврейских мальчиков, содержащаяся на средства еврейской общины. Преподавание там велось на смешанном еврейском и русском языках со сроком обучения два года. Большим подспорьем для бедняков было то, что каждый год перед началом занятий в талмудторе всем мальчикам преподносились бежевые костюмчики из легкой ткани, ботинки и пальто. Поэтому многие стремились отдать детей именно в эту школу, тем более, что платить за обучение в талмудторе было не нужно и, кроме того, детям в школе представлялся бесплатный завтрак.

Талмудтора располагалась по Александровской улице на противоположной части города, возле женской гимназии. Направляясь в школу и возвращаясь обратно, я заходил на веялочную фабрику и забирал мешок с топливом из древесных отходов, который с возрастом становился всё более тяжелым. Отец никогда не высказывал вслух одобрения моему трудолюбию, а я никогда не считал это чем-то из ряда выходящим. Все, что мы делали для семьи, никому в заслугу не ставилось.

Смерть матери

1907 год был для нашей семьи особенно тяжелым. В этом году, когда мне исполнилось 6 лет, умерла наша любимая мать. Маленькая, очень живая и красивая женщина она всегда была готова на самопожертвование для того, чтобы нас накормить и одеть.

Живя в беспросветной нужде, не зная никаких радостей жизни, кроме любви к семье, она никогда не жаловалась на судьбу, не обращалась за помощью к другим людям. Вставала она в 4–5 часов утра, чтобы проводить отца на работу, развести огонь, согреть квартиру к тому времени, когда проснутся дети. Нас было шесть душ мал-мала меньше, но она всегда умудрялась одеть нас в чистую, хотя единственную, одежду, обмыть и накормить. В нашей квартире половина полов была из кирпича и она находилась в подвале дома, но в ней всегда было чисто, что вызывало уважение соседей. Понимая, как тяжело приходится отцу, мать всеми силами старалась разделить его тяготы по содержанию семьи, и не было случая, чтобы кто-нибудь из них упрекнул друг друга.

В наше время, когда широко развернута система здравоохранения и все же остается немало нерешенных проблем, трудно даже представить, что еще 80 лет тому назад мало кто рожал в специальных родильных домах. Как правило,

женщины рожали дома в условиях, не отвечающих необходимым санитарным требованиям. В качестве медперсонала использовалась в лучшем случае повитуха, но чаще – соседка, имеющая собственный опыт в этом деле. На акушерку рабочий потратиться не мог, так как на это должна была уйти половина недельного заработка, если не больше, а тогда – "зубы на полку". В этих условиях роды нередко заканчивались заражением крови, от которого спасения не было. Так вышло и с матерью. Родив пятого брата, она через несколько дней умерла от заражения крови, и мы остались одни.

Мне тогда было 6 лет и, как старший брат, я по еврейским законам должен был возносить молитву богу, начиная с её могилы в течение года, а потом – каждую годовщину смерти. Хоронить мать пошли многие люди с нашей улицы. Я помню, многие плакали, но я не плакал ни дома, ни на похоронах.

Но когда мы вернулись с кладбища, у меня на голове обнаружили седые волосы. Было очень тяжело, хотя поделиться ни с кем я не мог. Да и как могло быть иначе? Ведь я первый начал делить с матерью все трудности и радости нашего существования. Но у нас не было принято выражать свои чувства. Как радость, так и горе переносились в глубине души.

Так у отца на руках оказалось шестеро детей, среди которых старшей сестре было 10 лет. Новорожденного брата Мишу принял на воспитание наш знакомый – столяр, уже имевший двух взрослых дочерей. В этой семье наш брат был окружен большим вниманием и усыновлен, что, однако, не

мешало нам часто встречаться с ним и дружить. Однако, управиться с нашей семьей десятилетней сестре было не под силу, и отец летом 1907 года, через шесть месяцев после смерти матери, принял решение жениться.

Его второй женой стала девица, которая, как потом выяснилось, любила отца в молодости и рассчитывала, что они поженятся. Но вышло так, что отец женился на другой, а она так и не вышла замуж. Оказавшись вдовцом с большой семьей, отец поехал на свою родину в местечко Добрянку Черниговской области и снова встретился там со своей первой невестой, которая на этот раз вышла за него. Так мы получили мачеху.

Наименее разговорчивыми в нашей семье были я и мой брат Аркадий, которому тогда было три года. Я встретил мачеху молча, настороженно. И потом всю жизнь матерью её не называл, несмотря на просьбы отца, хотя никогда особых притеснений с её стороны не испытывал. Несмотря на появление мачехи, не могу припомнить, чтобы она когда-нибудь убирала в квартире или стирала бельё. Вся эта работа, как и забота о нас, легла на нашу старшую сестру Геню.

И ростом и внешностью Геня напоминала мать. От неё унаследовала чистоплотность, трудолюбие, большую выносливость. Она убирала в квартире, мыла и обшивала нас и, в дополнение ко всему, с 12 лет пошла работать к портному, где обучилась портняжному делу и стала материально помогать семье. Чтобы справиться с этими обязанностями

сестра работала, не покладая рук, стирала по ночам, чтобы утром вовремя успеть на работу. Но она никогда не жаловалась, всё делала с хорошим настроением, с улыбкой, хотя потлился градом, и ноги подкашивались от усталости. Но это, собственно, никого не удивляло, так как считалось у нас в порядке вещей.

Мы – мальчишки вообще не знали, что значит жаловаться. Если обида наносилась кем-то из посторонних, мы рассчитывались, стараясь не остаться в долгу. Если ссора возникала внутри, то расчет производился немедленно и тут же восстанавливался мир. Если обида наносилась мачехой, отец об этом никогда не знал. Таковы были правила поведения в нашей семье.

Мы, как могли, помогали сестре в ее нелегкой работе. Со стороны братьев она встречала всегда молчаливую, но дружную поддержку и помощь, касалось ли это доставки воды или выполнения любой другой подсобной работы.

Фактически, сестра заменила нам мать и мы всегда вспоминали о ней с большой теплотой, ведь с самого рождения и до самой смерти жизнь не баловала ее. Она погибла во время отечественной войны вместе со своей семьей от рук гитлеровских палачей, но об этом позже¹.

В талмудторе я учился до девяти лет. После школы к двум часам дня я заходил к отцу, и до конца работы помогал ему распиливать бруски для рамы веялки, укладывал их под на-

¹ См. глава 7.2. Из воспоминаний Зины Соколинской.

вес для сушки. С нетерпением я ждал четырех часов, когда можно будет присесть, отдохнуть и перекусить.

Наша пища каждый день была одной и той же. Как сейчас помню запах мягкого хлеба из чистой ржаной муки, выпеченного на поду с хорошо запеченной коркой. Краюху хлеба мы с отцом делили пополам, натирали чесноком, смачивали под водопроводным краном и густо солили.

С каким же аппетитом мы съедали этот хлеб! А подкрепившись и отдохнув, снова принимались за работу, которую заканчивали к концу дня. После чего, захватив по мешку топлива, шли домой.

Так я прожил до одиннадцати лет и отец стал думать, что же делать со мной дальше, ведь я уже становился взрослым. Продолжать учебу возможности не было, да я и без того по его понятиям имел за плечами вполне солидное образование (два класса талмудторы). Надо было пристраивать меня для обучения какому-нибудь определенному ремеслу.

В людях

Желания отца были самыми благородными – он никак не хотел, чтобы я занимался тяжелым физическим трудом. Но это не совпадало с моими вкусами и наклонностями.

Дело в том, что мои друзья по двору – Жора и Ваня Соснины, у которых мы снимали квартиру, пошли слесарями на завод, где работал их отец. И даже не представляя толком, в чем состоит слесарное мастерство, я хотел быть только слесарем, как они.

Старшая сестра Геня

Все же пришлось подчиниться отцу, он был неумолим, и я стал учеником часовщика. Но на этой работе мне пришлось пробыть недолго. Она оказалась для меня слишком "интеллигентной".

Во время работы у часовщика мне каждую субботу выдавали 5 копеек. Из них 3 копейки я тратил на билет в кино, а две – на семечки от подсолнуха. В одну из суббот я стал свидетелем грубой выходки какого-то человека во время сеанса кино и поделился с мастером, используя недостаточно благозвучные фразы, за что получил от него довольно строгое внушение. Я решил, что мне нанесена обида. А главное – появился повод для ухода, тем более, что проработав более месяца я не получил никакой зарплаты (первый год обучения был бесплатным). В результате через час после сделанного мне внушения, я уже был у отца на фабрике.

Однако, не прошло и двух недель, как отец сосватал меня в магазинчик Слонимского возле базара в качестве ученика приказчика и зазывалы. В мои обязанности входило вносить со склада новый товар, делать каждое утро в 7 часов выставку у входа в магазин, состоящую из разных видов товаров, имеющихся в магазине и представляющих интерес для приезжих крестьян. В часы базара (примерно до 12 часов дня) я обязан был стоять на улице возле дверей магазинчика и, буквально, силой затаскивать в него проходящих крестьян.

Главным считалось, чтобы покупатель попал в лавку, а уж там хозяин и старший приказчик сумеют его уговорить на покупку. В результате такой покупатель по выходе из магазина часто недоумевал, зачем он приобрел, в общем-то, ненужные ему вещи. Перед закрытием магазинчика в 7–8 часов вечера я должен был разобрать выставку и внести ее обратно. Моя зарплата составляла 3 рубля в месяц "при своих харчах". Но и эта работа меня тоже не устроила.

Во-первых, мне было унижительно ловить покупателя за рукав и тянуть его в магазин. По этому поводу у меня с хозяином с самого начала моей службы возникли разногласия.

Когда бы он не выходил из магазина на улицу, он заставлял меня спокойно стоящим возле выставки, в то время как мимо проходили толпы потенциальных покупателей – крестьян, привыкших к тому, что их насильно тащили в магазин и говорили, что без определенного товара им не прожить и дня. Моё поведение настолько противоречило представлению хозяина о коммерции, что он, буквально, захлебывался от гнева. На что я ему неизменно спокойно отвечал на смешанном русско-украинском наречии:

– "Да шо им повылазило? Хйба ж не видять, чем торгуем? Нужно будет, зыйдить сам и купит, шо треба". Но хозяина мои доводы только раскаляли еще сильнее.

Хозяин Слонимский был шуплым человечком с придиричивым и злобным характером. У него было маленькое лицо, маленькие глазки, хищный нос и деспотический нрав, кото-

рый он проявлял в отношении всех окружающих его людей – служащих и близких. Его жизненной целью была мечта, во что бы то ни стало и любыми способами, разбогатеть.

С людьми такого сорта мне пришлось в жизни встречаться не раз. Обычно это люди набожные – молитвы не пропустят, но, если представится случай ограбить ближнего, очистят до нитки без всякой жалости. Капитал наживался хозяином всеми способами: за счет недоплаты жалования служащим, всучивания покупателю гнилого товара за хорошую цену, безудержной рекламы. Всё шло в копилку, до самой мелочи. Сам хозяин всегда ходил в грязном, засаленном лапсердаке, в ермолке, ни дать, ни взять – бедный человек, да еще из святых.

Зато его жена была крупной женщиной раза в полтора выше и толще его. Она была богобоязненной и хозяин ее полностью подавлял, поэтому редко кто из нас мог похвастать, что видел её на улице.

Вскоре хозяину стала очевидной моя полная непригодность к профессии коммерсанта. Я снова оказался не у дел и стал канючить у отца, чтобы он отдал меня в слесарную мастерскую, где я обещал клятвенно и безропотно сносить все невзгоды, лишь бы стать слесарем.

В каждом историческом периоде имеется, видимо, своя популярная профессия, отражающая новое в общественном развитии. В средние века модно было быть живописцем, путешественником, архитектором. В 19 веке популярной стала

профессия литератора, поэта. В наши дни престижной считается профессия электронщика, космонавта.

В начале 20 века, когда в России получила развитие промышленность, в том числе паровозо- и судостроение, модной стала профессия рабочего-металлиста. Мне очень нравилась даже одежда, которую обычно носили металлисты – брюки из китайки, косоворотка, легкая тужурка.

Металлисты отличались молчаливостью, серьезностью, сосредоточенностью. Завтрак они носили в красном платке с черными каемками. Мне казалось, что уже одно соприкосновение с металлом накладывает на них особый отпечаток мужественности, организованности, мастерства. И действительно, в то время ни одна другая профессия не объединяла в бригады, цеха и заводы такого количества людей, как профессия металлистов. Это была мощная, организованная сила, сыгравшая решающую роль в становлении рабочего, революционного движения в России.

Конечно, тогда я этого не понимал, но одно мне было ясно: быть металлистом – моё призвание. Ведь уже одно слово – МЕТАЛЛ, звучало для меня, как музыка!

Наконец, после очередных переговоров отец повел меня в слесарную мастерскую. Это был подвал, в котором стояли верстак, тиски, наковальня, горн, то есть всё то, что по моим представлениям должно было находиться в слесарной мастерской. Мой хозяин – Меерзон был маленький, круглый человек. Кроме меня он других рабочих не имел и вре-

мя от времени все работы выполнял сам. Его специальность, как потом выяснилось, была медник, а не слесарь, причем он был медником высочайшей квалификации. Он мог изготавливать из красной меди котлы, купола и другие изделия, которые выходили из под его молотка без единой шероховатости. Эти изделия отличались большим изяществом и красотой.

Единственным недостатком хозяина было то, что работал он редко. Но зато, если начнет работу, то не бросит пока не закончит полностью. Каждой новой работе предшествовала отправка меня в магазин, откуда я должен был принести сотку водки и бутылку пильзенского пива. Когда водка и часть пива были выпиты, хозяин заводил песню и приступал к работе, которая продолжалась до окончания песни и пива.

Мой новый хозяин был добродушный человек. Заработки давали ему возможность сводить концы с концами и обеспечить начальное образование своим детям, которых у него было четверо. За год, который я у него проработал бесплатно (так полагалось первый год учения), я не слышал от хозяина ни одного грубого слова. Большую часть времени я проводил в мастерской один. Но когда хозяин работал, то он старался обучить меня профессии, и я ему до сих пор благодарен за это. Работая с ним, а было мне в ту пору 12 лет, я никогда не чувствовал себя ни униженным, ни лишним. Он вел себя так, что мне казалось, будто между нами полное равенство. Это привело к тому, что даже после того, как я понял, что

это вовсе не слесарное производство, куда я так стремился, я всё же остался работать и не жалею, так как это дало мне возможность изучить медницкое дело, которым я владею и сейчас.

Обычно по понедельникам к моему хозяину собирались еще один – два таких «капиталиста» и устраивали складчину с похмелья, посылая меня за покупками. Ассортимент был постоянным и никогда не менялся – полторы бутылки водки, полфунта грибов маринованных, одна селедка «залом» за пять копеек, четверть фунта постного масла и хлеба белого три фунта.

В мою обязанность входило поджарить на горне в противне селедку в постном масле и подать к «столу» (на верстак). Для такого торжества в мастерской имелись рюмки. Тут же начиналась выпивка, велись душевные беседы, продолжавшиеся, как правило, не менее двух часов, после чего гости вместе с хозяином удалялись.

В одно из таких посещений хозяин налил рюмку водки, подозвал меня и с одобрения гостей предложил мне выпить. На моё заявление, что я не пью, что у меня дома ни отец, ни кто другой не пьет, хозяин сказал:

– "Сопляк! Кто тебя спрашивает, пьешь ты или не пьешь? Тебе предлагают, так пей, а не хочешь пить, убирайся отсюда на все четыре стороны. Мне таких не нужно. Какой из тебя выйдет толк, если ты не будешь пить водку?".

Эту точку зрения хозяина разделяли и гости. В результа-

те, не желая лишиться работы, я выпил рюмку водки, предложенную хозяином и, понятное дело, поперхнулся. На это хозяин постарался меня успокоить, сообщив, что если практика выпивки повторится, то я привыкну, и в дальнейшем захлебываться уже не буду. Как ни странно, практика показала, что хозяин был прав.

В этой же мастерской я освоил и курение. Правда, у меня хватило ума понять, что не это главное в жизни. В дальнейшем, когда я ушел из этой мастерской, кончились мои выпивки, но опыт остался. Но ведь опыт за спиной не носить! Знать же человек должен не только хорошее, но и плохое. Важно лишь уметь отличать одно от другого, обладать достаточными разумом и волей, чтобы найти верный путь и избежать плохого.

Через год хозяин стал платить мне 15 рублей в месяц. Это были уже большие деньги. К этому времени я умел делать многие работы и, в частности, выполнять ремонт по циркуляции воды в частных домах. Словом, зарекомендовал себя с положительной стороны. Но душа моя была неспокойна. Я хотел осуществления своей мечты – стать настоящим рабочим – металлистом. И я ушел от хозяина Меерзона, напутствуемый хорошими пожеланиями. Я чувствовал себя уже более или менее солидным, самостоятельным человеком и решил сам найти себе место в слесарной мастерской, не прибегая к помощи отца.

В то время в Запорожье было три-четыре таких мастер-

ских, которые конкурировали между собой при получении заказов или подрядов. Кроме того, каждая мастерская имела и постоянных заказчиков, к которым относились владельцы частных домов. В этих домах систематически возникала потребность в замене замерзшего водопровода, чистке канализации, регулировке бачков, ремонте отопления. Выполнялись также заказы по вскрытию сейфов, изготовлению ключей и т. п. Помимо этого слесарная мастерская брала заказы от строек по изготовлению перил, ворот, установке и укладке балок, монтажа водопровода, канализации, отопления. Поэтому в отличие от обычных слесарей, слесарь частной мастерской был универсалом.

В одну из таких мастерских, принадлежавшую Найшулеру, я после некоторых переговоров и был принят на работу летом 1912 года с оплатой 10 рублей в месяц. Здесь мне уже пригодилось и медницкое ремесло, поскольку никто из работавших в мастерской его не знал. Это вынуждало хозяина относиться ко мне немного лучше, чем к моим сверстникам.

Вообще-то, владельцами этой мастерской были два брата: – Эммануил Липович Найшулер, который, фактически был коммерческим руководителем этого предприятия, и Матвей Липович Найшулер, бывший собственно специалистом слесарного дела. Последний был очень скромным, мало вмешивался в дела мастерской и больше оставался в стороне. Эммануил Липович (мы его между собой звали Монька) не доверял брату и, когда приходилось отлучаться из ма-

стерской, оставлял дежурить и наблюдать за нами свою мать, которую мы всячески выживали из мастерской.

Монька был небольшого роста, близорукий, двигался он всегда одним боком вперед. У него были очки с толстыми стеклами, и он рассматривал предметы и людей с очень близкого расстояния. Человек он по натуре был нахальный, и нажива на рабочих была для него целью и смыслом жизни. Достигал он этого тем, что нанимал за мизерную зарплату рабочих с волчьими паспортами, которых преследовала полиция по политическим мотивам.

Хотя зарплата должна была выдаваться каждую субботу, не было случая, чтобы Монька явился вовремя для ее выплаты. В результате мы обычно просиживали с двух до семи-восьми часов вечера, и часто расходились по домам без денег. Жаловаться на хозяина было некуда и некому, приходилось справляться своими силами. И мы справлялись.

Как – то раз, после очередного бесплодного ожидания в субботу, мы пришли в понедельник в мастерскую недовольные и злые. В то время в Запорожье сооружалось здание банка "Взаимный кредит" на Соборной улице, где хозяин взял подряд на все металлические и сантехнические работы. Время было летнее, горячее. Невыполнение заказа грозило хозяину крупной неустойкой. Вот мы и решили не приступать к работе в понедельник, пока хозяин не выплатит заработок за прошлую неделю.

Однако по опыту мы знали, что, придя в мастерскую, он

станет говорить, дескать, всю субботу мотался по заказчикам в попытках раздобыть денег, но достать их не смог и поэтому к нам не явился. Да и сейчас денег у него нет, поэтому просит приступить к работе, а он постарается к вечеру раздобыть денег и оплатить нам за прошлую неделю полностью или частично. Мы знали также, что для убедительности он, как обычно, вынет из кармана и покажет нам почти пустой кошелек, хотя в другом кармане у него лежит бумажник с кредитками, который всегда при нем для расплаты за материалы и т. п.

Мы поступили так. Один должен был стать у двери, чтобы перекрыть выход на центральную улицу. Остальные – подойти к Моньке и потребовать деньги. Когда он вытащит пустой кошелек, я был уполномочен вытащить у него из другого кармана бумажник с кредитками и вынудить с нами расплатиться. Всё так в точности и вышло, с той лишь разницей, что, когда Монька, несмотря ни на что, отказался платить нам деньги, ему всыпали несколько оплеух (это называлось "выбить Моньке очки"), после чего расплата за неделю к общему согласию свершилась.

Почему Монька терпел от нас периодически эту трепку и не жаловался в полицию? Дело было в том, что предать гласности факты содержания на работе лиц с волчьим билетом он не мог, так как это могло привести крупным неприятностям со стороны высших чинов полиции (околоточный надзиратель, естественно, знал об этом, но был подкуплен

Монькой).

Не держать этих людей с волчьим билетом на работе Моньке тоже было невыгодно, так как это значило бы лишиться дешевой рабочей силы. Кроме того, люди эти, как правило, были непьющие, имели высокую квалификацию, в деле он мог на них полностью положиться. Политическим тоже деваться было некуда – на заводы их не брали. А нужно было жить, скрываться.

Вот почему личное оскорбление, наносимое нами хозяину, не имело последствий. Если шла прибыль, если копился процент за лишний задержанный день зарплаты, если удавалось избежать неустойки, хозяйчики типа Моньки шли на любые условия, даже, если бы им каждый день приходилось расплачиваться своими боками.

Материальное снабжение мастерской происходило эффективно, хотя и своеобразно. Основные металлы хозяин приобретал на складе старого металла. В магазинах же, где продавался новый металл, он был редким гостем. Он лично, не доверяя ни мастерам, ни кому другому, посещал упомянутые склады и часами отбирал нужный ему металл, который приобретал за полцены. После этого он посылал трех-четырёх учеников и они, надрываясь, перетаскивали на своих плечах этот металл в мастерскую через весь город. Часто приобретались краденные материалы – олово, свинец, медь, трубы и т. п. Всё это давало свою долю прибыли хозяину и его это вполне устраивало.

Почему я останавливаюсь на этих, казалось бы, мелочах? Чтобы подчеркнуть, что капиталистическая прибыль создается не только путем эксплуатации рабочей силы, обкрадывания трудящихся, но и путем жесточайшей экономии сырья и материалов. Об этом вспоминаешь, глядя, порой, на поразительную бесхозяйственность, с которой приходится встречаться в нашем социалистическом строительстве, где слово «наше» является зачастую синонимом слова "ничье".

Положение ученика в частной мастерской было нелегким. Рабочий день в мастерской начинался в 6 часов утра, а заканчивался в 6 вечера. Ученик же обязан был являться к 5 часам утра для того, чтобы развести горн, разжечь печи, подготовить инструмент, поднести уголь для горна.

Уходил с работы ученик на час позднее, т. е. около 7 часов вечера. В это время он должен был убрать инструмент, погасить горн и печи, подмести и запереть мастерскую. Таким образом, рабочий день такого труженика составлял около 14 часов, без учета времени на дорогу до дома, располагавшегося обычно где-то на рабочей окраине. Это было нелегко, тем более, что труженику от роду было 11–12 лет. Но и это бы ничего, если бы не крайне унижительное, бесправное положение, в котором постоянно находился ученик частной мастерской, особенно на первом году обучения.

После прихода на работу в 5 часов утра и исполнения обязанностей по подготовке рабочих мест, ему надлежало идти к хозяину на дом, чтобы наколоть дрова, вынести помои,

а затем, когда проснется хозяйка, пойти с ней на базар, где она, торгуясь за каждую копейку, приобретала продукты и хозяйственную утварь для дома. Помню, сколько проклятий пошлешь на ее голову, когда, дрожа от холода всем телом, обмораживая руки зимой и обливаясь потом от летней жары, тащишь тяжеленные корзины со всяческой снедью, живой птицей и другими товарами. А она шествует впереди, не оглядываясь, важная и спесивая, уверенная в полной покорности её одиннадцатилетнего раба. И я не помню ни одного случая, чтобы хозяйка оказала хоть какую-то помощь, выразила сочувствие.

А если у хозяйки были грудные дети, то ученик после прихода с базара, пока она готовит обед, должен был следить за ребенком, пеленать его, стирать пеленки и т. п. И только после обеда он вместе с хозяином возвращался в мастерскую, где прислуживал мастерам, сопровождал хозяина на склад материалов и перетаскивал в мастерскую купленный товар.

В первый год обучения зарплата ученику, как я упоминал, не полагалась. На втором году ученик начинал обучаться кузнечному и слесарному делу, заправке простейшего инструмента и прикреплялся к определенному мастеру. При этом он освобождался от походов на базар и от домашних работ у хозяина. Всего обучение в мастерской продолжалось четыре года, после чего ученику делалась «проба» и присваивалась специальность слесаря.

Если проба сдавалась хорошо, и хозяин был щедрым, то ученику покупались костюм, ботинки и картуз, а также выдавались наградные в размере 50–70 рублей. После этого закончивший учение в мастерской мог остаться в ней работать дальше, а мог уходить на все четыре стороны. Теперь уже никто над ним не был властен.

Но до этого момента жизнь учеников у хозяев была цепью сплошных издевательств и унижений. На каждом шаге тебе давали понять, что ты низшее существо. Сколько дней приходилось по-настоящему голодать. Иногда становилось невозможно, хотелось все бросить, обратиться за помощью к живущим в городе родным. Но это означало бы потерю рабочего места, а на другом месте было бы не лучше. И мы терпели, старались освоить профессию и, хоть как-нибудь, помочь семье. Но ненависть к хозяевам-эксплуататорам накапливалась в наших сердцах. В лице своих рабов они готовили мстителей. И если случалась возможность отплатить хозяину, мы платили щедрой рукой, и не один из них надолго запомнил эту плату.

Надо сказать, что жизнь учеников в мастерской Найшулера (а нас было 4 человека) была тяжела не только из-за гнета хозяина. Некоторые мастера, озлобленные условиями существования, часто стремились сорвать свое настроение на беззащитных подростках, наказывая за любую провинность. Дело доходило до диких выходов.

Особенно этим отличался кузнец Гельфонд. Это был

угрюмый человек высокого роста с большим родимым пятном на правой щеке. Он всегда держался в стороне от других рабочих и был очень злым. Правда, он был высококвалифицированным кузнецом, и хозяин за него держался. До прихода к нам он работал мастером кузнечного цеха на одном из заводов, но по какой-то причине был изгнан оттуда самими рабочими.

Как-то произошел такой случай. Гельфонд закатывал шины для больших ворот на квадрате 50 м/м. Дело это очень не простое и тяжело давалось ему и его молотобойцу.

Нужно сказать, что специалистов молотобойцев у нас не было и эту работу выполняли обычно ученики и подручные (это входило в цикл обучения). Подручным Гельфонда на этот раз был ученик Соломон – тщедушный паренек лет четырнадцати, который всегда держал голову набок. И вот в процессе обкатки шины Соломон промахнулся и вместо гладилки попал по ручке. Это произошло потому, что металл уже поостыл, да и Соломон выбился из сил. Но кузнец Гельфонд, взбешенный неудачей, не разбирая причин, с размаху ударил ручником Соломона, который тут же рухнул в бессознательном состоянии и был отправлен в больницу. Так как Гельфонд остался без подручного, к нему в качестве молотобойца приставили меня, ведь заказ нужно было выполнить в срок. Вскоре я на себе убедился, что кузнец Гельфонд не лишен чувства юмора, только юмор этот был своеобразным.

Здесь нужно заметить, что в обязанность молотобойца

входил разогрев металла в горне, который раздувался мехами. Для того, чтобы побыстрее и получше разогреть металл, подручный молотобоец внимательно следил за пламенем, одной рукой поправляя огонь с помощью жигала и кочерги, а другой – приводя в действие меха. Таким образом, если в промежутках, когда грелся металл, кузнец еще мог перевести дух, то молотобоец этой возможности не имел.

Однажды, когда я стоял у горна, Гельфонд велел мне сходить наверх и принести какой-то инструмент. Я отправился выполнять приказание и когда вернулся обратно в подвал, где была расположена кузница, услышал злобную ругань Гельфонда в мой адрес по поводу того, что огонь в горне почти не горит, железо плохо греется, и что со мной ничего не заработаешь. Гельфонд орал на меня, чтобы я немедленно взял жигало и расшуровал огонь, чтобы ускорить разогрев металла. Ошарашенный и напуганный криком, я схватился за ручку жигала и, в это же время, услышал за спиной его хохот, а у меня с ладони шкуркой слезла вся кожа. Оказывается Гельфонд, таким образом, решил надо мной подшутить. Он послал меня за ненужным ему инструментом, а сам накалил ручку жигала до темно-красного цвета, чего я сгоряча не заметил. После этого случая я ушел от Гельфонда. Но если бы и остался, то держать молот уже не мог. Рука была обожжена, и требовалось лечение, причем за свой счет. Охраны труда и соцстраха тогда не было. Но эта «шутка» Гельфонду тоже не прошла даром. Через несколько дней с помощью

взрослых рабочих, он был выдворен из мастерской и я с ним больше никогда не встречался. Нужно сказать, что понятие пролетарской солидарности в то время не было пустым звуком. Она проявлялась всегда абсолютно бескорыстно и без лишней трескотни.

Состав рабочих в мастерской Найшулера непрерывно менялся. Большинство из них задерживались обычно на неделю-две, после чего вынуждены были уезжать из города из-за преследований по политическим мотивам или по другим причинам. Часто по субботам в ожидании зарплаты в мастерской возникали горячие споры по актуальным вопросам, продолжавшиеся по 3–4 часа. Среди спорщиков были представители многих политических течений. В нашей мастерской работал большевик, анархист, левый эсер. Кого не было, так это меньшевиков.

Больше других мне запомнился Гриша Поляков или, как мы его звали между собой, Гришка Петербургский. Это был человек среднего роста с круглым лицом, вздернутым носом и широко раскрытыми глазами. Гришка считался высококвалифицированным слесарем, способным, как говорили, подковать блоху. До сих пор в моей памяти остался загнутый кверху большой палец Гришкиной руки, что характерно для слесарей, много работающих напильником.

Человек он был с добрым характером, но не терпящий никакой несправедливости. Нас – учеников он учил не только секретам специальности, но и умению жить, ценить чувство

товарищества, ненавидеть врагов рабочего класса – хозяев – эксплуататоров.

В нашей мастерской, где можно было работать без прописки, Гришка скрывался от полиции, получая зарплату на 30–40 % ниже той, какую получали такие же рабочие на заводах. Впоследствии Гришу Полякова я встретил во время гражданской войны в рядах Красной Армии, где он занимал командные должности.

Другим рабочим, оказавшим на меня большое влияние, был Яшка Мыш. Он работал на одном из Днепропетровских заводов, где занимался изготовлением и монтажом металлоконструкций. Во время восстания в 1905 году Яшка был ранен в ногу, скрывался от полиции и, в результате, попал в нашу мастерскую. Яшка Мыш был членом партии левых эсеров и выполнял функции боевика. Он был мускулистый, обладал очень большой физической силой и мог поднять невероятный вес. Непримиимый ко всякой неправде, Яшка не спускал хозяину ни малейшего замечания и был скор на расправу при задержке зарплаты.

Но не было человека добрее Яшки в отношении к товарищам по работе и, особенно, к нам мальчикам – ученикам. Именно благодаря вмешательству Яшки и Гриши Полякова был изгнан из мастерской кузнец Гельфонд за его издевательства над нами. Всего одно лето проработал у нас Яшка Мыш, а затем был вынужден уехать из города, опасаясь ареста. Но я его помню всю жизнь. Таково свойство челове-

ской памяти – добро запоминается навсегда.

На третьем году обучения, я уже довольно сносно работал по ковке, сантехнике и механическим работам, но хозяин продолжал платить мне 15 рублей в месяц. Гриша Поляков и Яшка Мыш не раз советовали мне потребовать у хозяина надбавку до 20 рублей в месяц. Они относились ко мне, как к равноправному товарищу, доверяли и поддерживали, за что я им был очень благодарен. К тому времени хозяин взял несколько заказов, невыполнение которых грозило ему крупной неустойкой, так что, по мнению моих друзей, момент был самый подходящий.

Но, когда я потребовал надбавки, угрожая не выйти на работу, хозяин тут же выдал мне расчет. На моё место он принял за зарплату 10 рублей в месяц другого ученика – сына хозяина бакалейной лавочки, который торговал продуктами на базаре среди приезжих крестьян, не пренебрегая продажей водки и других товаров, не относящихся к его официальному ассортименту.

Имя сына бакалейщика было Илья, и он учился в ремесленном училище по слесарному делу. В момент, когда я объявил «забастовку», он пытался где-нибудь подработать для собственных нужд. Несколько раз он побывал у хозяина, предложил свои услуги за небольшую плату, так как его семья не нуждалась. Кроме того, он понимал, что после того, как устроится, сможет потребовать больше.

В результате я остался без работы и приуныл, так как по-

ступить куда-либо было очень трудно. Но, главное, я потерял место, где должен был закончить учение. Мои жизненные планы рушились. Но хозяин и Илья просчитались. Поляков и Мыш категорически отказались принять к себе в качестве подручного Илью, а сам Илья не мог самостоятельно выполнить ни одной серьезной работы. Каждый день Поляков и Мыш требовали от хозяина вернуть меня, угрожая в противном случае бросить работу и увести с собой остальных рабочих. Конфликт продолжался несколько дней.

Во время вынужденной безработицы я по утрам отправлялся на веялочную фабрику, где работал отец, за дровяными отходами. В один из таких дней я тащил с фабрики тяжелый мешок и вдруг встретил Илью, который шел на работу, неся полную сумку разной снеди – жаренных голубей, мяса, белого хлеба, фруктов.

По началу мы прошли мимо. Но потом, удалившись на безопасное расстояние, Илья обернулся и, скривив рожу, крикнул: – "Ну, что, кто из нас работает? Долго ты еще поищешь себе место!".

Очень обидно мне стало из-за такой несправедливости. Мало того, что этот парень купается в роскоши, мало того, что из-за него моя семья лишилась солидного по тому времени подспорья. Так этот купчик еще издевается!.

Ни слова я ему не ответил. Снял мешок с плеч и прислонил его к стене мельницы Нибура, что стояла возле базара. Затем предложил Илье снять тулуп и защищаться.

Он начал отступать, уклоняясь от драки, которая уже была неизбежной, но я преградил ему путь к отступлению и набросился на него. Не давая опомниться, я наносил удары, куда попало, приговаривая: – "Вот тебе работа, вот тебе место!". И хотя он был выше меня на пол головы и старше, обида и ярость утроили мои силы и через несколько минут из носа и рта у Ильи пошла кровь и он стал умолять оставить его в покое, пообещав больше никогда не появляться в мастерской. В результате объявленный хозяином локаут был сорван и на следующий день я снова приступил к работе в мастерской с зарплатой 20 рублей в месяц. Наступал 1914 год – год начала первой мировой империалистической войны.

Глава 2. В годы 1-ой мировой и гражданской войн

1-ая мировая

Начало войны мы сразу же ощутили по военному заказу, который получил наш хозяин. Он выполнялся наряду с обычной нашей работой по ремонту водопровода, канализации, отопления, машин, оружия и т. п. Но по мере затягивания военных действий настроения в народе становились все более и более тяжелыми. С фронтов начали прибывать раненые. От них мы узнавали о поражениях, предательстве высшего командования. Началась нехватка продуктов, одежды. Появились калеки, сироты, их становилось все больше, а войне не было видно конца.

В 1915 году я закончил учение в мастерской. В это время хозяин начал уделять все большее внимание спекуляции золотом, другими товарами. Говорили, что он занимается операциями с фальшивыми деньгами. В мастерской начали сновать темные личности. Видимо, это сторона дела приносила ему больше дохода, так как мастерской он уделял все меньше внимания, и мы теперь целыми днями работали бесконтрольно. Мастерская была теперь нужна хозяину для при-

крытия своих темных делишек.

Все это отражало общее загнивание государственного организма России, который разваливался на глазах. Его поражали коррупция и некомпетентность. Жандармерия и полиция, которые до войны свирепствовали, чувствуя свою силу, теперь, по мере затягивания войны, становились все более неуверенными, испытывая страх перед грядущей расплатой. Все заводы были забиты военными заказами, и на этой почве развилась сложная система взяток и комбинаций. Представители военного ведомства, в обязанности которых входило следить за добросовестным и качественным выполнением военных заказов, получали от заводчиков солидные взятки и за это пропускали брак, закрывали фиктивные объемы работ и т. п. Результатом этого были недостаток оружия на фронтах, его низкое качество, что наряду со скрытым и прямым предательством высших царских чинов приводило к поражениям на фронтах, гибели сотен тысяч людей.

Вместе с тем, сами заводчики и капиталисты, наживаясь на войне, всячески уклонялись от призыва в армию. Путем подкупа должностных лиц и других комбинаций они добились освобождения или отсрочки от призыва для себя и своих родственников. С одним из таких случаев мне лично пришлось столкнуться в 1916 году.

В то время я работал уже на механическом заводе Г. Ясина, что на реке Московка в городе Запорожье. Завод был занят изготовлением снарядных ящиков и двуколок. Работал я

в бригаде Зиги. Это был энергичный, жилистый человек лет тридцати пяти, невысокого роста, очень резкий, но справедливый. Задачей нашей бригады была клепка крышек упомянутых ящиков.

И вот в один из летних дней в нашем цехе появился новый рабочий. Одет он был в свежесвыглаженную пикейную рубашку с отложным воротничком и в прекрасные модные светлые брюки. Вел себя он довольно странно. Приходил в 9–10 часов утра, прогуливался по цеху около часа и уходил в контору хозяина, после чего в цех уже не возвращался.

Этот тип заинтриговал Зигу, который был любознателен и никогда не мог успокоиться, пока не узнает в чем заключается дело. Зига приказал мне немедленно выяснить, что это за тип и что ему здесь нужно. Через пару дней мне удалось узнать от приятелей, что личность эта – владелец гостиницы и ресторана, что ему 32 года и по договоренности с хозяином за определенную мзду он зачислен в наш цех рабочим, чтобы скрываться от призыва на военную службу.

Как только Зига узнал об этом, он приступил к операции по вышибанию этого типа с завода. Рядом с нами находился кузнечный цех, с которым нас соединял дверной проем. Зига достал старый мешок, намочил его водой и поручил мне хорошенько вывалить его в саже дымохода кузнецы. Когда я это выполнил и вручил мешок Зиге, тот окликнул владельца гостиницы и сказал, что его зовет хозяин. Ничего не подозревая, тот пошел к выходу в своем белоснежном наряде,

но когда проходил мимо нас, Зига накинул ему сзади на плечи и на голову мокрый мешок, пропитанный сажей. Пострадавший обернулся и, увидев меня, хотел сорвать злобу, но рабочие цеха сгрудившись вокруг дали понять, что он пока еще легко отделался. Больше этого «рабочего» мы в цехе не видели.

По мере продолжения войны рабочие все чаще подавали свой голос, вмешиваясь в решения правительства и хозяев. Как-то хозяин отказался выплатить нам зарплату за партию выполненных работ. Мы начали протестовать и нас уволили с завода. Тогда мы подали в мировой суд, но суд решил дело в пользу хозяев и я оказался на улице без работы. Пришлось искать новое место.

Был в Запорожье Приднепровский чугунолитейный завод Люхимсона, который помещался на Московской улице рядом с городской баней Теверовского. Этому заводу требовался рабочий, который совмещал бы специальности обычного слесаря, модельщика по металлу и машиниста по уходу за оборудованием во время отливки. Вот здесь-то пригодилась моя выучка в частной мастерской, и я был принят на работу. В ту пору завод Люхимсона изготавливал буксы, буфера и тормозные колодки для железнодорожных вагонов, а также смывные бачки «Эврика» для уборных. Всего на заводе было человек тридцать литейщиков, три-четыре шишельника и один слесарь – механик "во всех видах". Вот эту последнюю должность я и занял.

В то время мне уже исполнилось шестнадцать лет. В мою обязанность входило следить за тем, чтобы все модели были в полном порядке, так как в противном случае это грозило простоем литейщиков. А это вело не только к срыву выпуска продукции, но лишению зарплаты. Ведь в то время за простой хозяин не платил, профсоюзов не было и жаловаться было некому. Все литейщики были обременены семьями, и я прекрасно понимал, какая на мне лежит ответственность за то, чтобы к утру следующего дня все модели находились в полной готовности. Поэтому после окончания рабочего дня я оставался в цехе до 9–10 часов вечера, чтобы привести все модели в полный порядок. С шести утра и до 4–5 часов дня я был занят уходом за воздуходувкой и двигателем, так как выход их из строя грозил «козлом» в вагранке, то есть опять-таки срывом всех работ. Наконец, в мою обязанность входило обеспечивать бесперебойную работу барабанов по размолу земли и песка, необходимых для формовки.

До 1918 года я проработал на этом заводе, и ни одного простоя по моей вине не возникло. Литейщики, обычно солидные, семейные люди, очень ценили такую работу и относились ко мне с уважением. Несмотря на большую разницу в возрасте меня приглашали в гости, делились радостями и переживаниями, посвящая во все дела заводского коллектива.

Надо сказать, что среди литейщиков почти не встречались евреи. Так в Запорожье я знал лишь одного еврея – литейщика Мееровича, работавшего на заводе Коппа, но и тот об-

русел и забыл родной язык. На нашем же заводе я был единственным евреем и должен заметить, что за все время работы на этом заводе, как, впрочем, и на других заводах и в мастерских, мне никто, никогда, ни единым словом не напомнил о моей нации, не оскорбил моих национальных чувств, хотя мне было всего 16 лет.

Мы – рабочие вместе выступали против хозяина – эксплуататора, который, кстати, был евреем, вместе боролись за свои права, а в 1917 году после Октябрьской революции рабочие избрали меня секретарем завкома металлистов завода.

В течение всей своей жизни я не раз убеждался, что антисемитизм чужд народу, трудящимся. Он порождается верхами и всегда преследует главную цель – отвлечь внимание народных масс от истинных причин их бедственного положения, обусловленных политикой правящих кругов страны. Поэтому, где бы и под какими предлогами антисемитизм не насаждался, он всегда наносил колоссальный вред народу и государству.

Наращение революционного движения ощущалось и на заводе Люхимсона, где я продолжал работать. Мы предъявили хозяину требования о повышении зарплаты, о предоставлении для цехов лучших помещений, о сокращении рабочего дня и т. п. Часть из них хозяин вынужден был удовлетворить, другие удовлетворить отказался. Начались трения. Тогда хозяин закрыл завод и дал всем нам расчет. От расчета мы отказались и продолжали являться на завод каждый день,

где отсиживали у ворот до обеда, после чего возвращались домой. Наконец, хозяин не выдержал, и мы снова приступили к работе.

В то время в Москве и Петрограде свирепствовал голод, а на Украине из-за отсутствия тканей не во что было одеваться. Вместо нормальной одежды люди начали шить платья из мешков. Возникла идея об организации натурального обмена между рабочими украинских заводов и текстильщиками Москвы.

Каждый рабочий внес определенную сумму денег и на них был закуплен вагон муки. Были составлены списки, в которых указывалось, кто и сколько внес денег. Списки хранились в завкоме. Было обещано, что взамен муки московские рабочие пришлют манафактуру. Сопровождать муку в Москву и манафактуру обратно на завод мы послали двух уполномоченных рабочих – литейщиков. Узнав, что в зависимости от количества муки будет выдаваться соответствующее количество манафактуры, наш хозяин внес сумму эквивалентную взносу 10–15 человек.

Долго мы ничего не слышали о наших посланцах. Время было смутное, транспорт работал плохо, и мы решили, что манафактуры нам уже не видать. За это время хозяин снова закрыл завод и, не заплатив зарплаты, выставил нас за ворота, а сам удрал из города. Рабочие попали в тяжелое положение, перебивались, кто как мог. И вот в эти дни, вдруг, пронесся слух, что наши посланцы не только вернулись, но

и привезли с собой много манафактуры. Они отсутствовали около 4 месяцев, но оказалось, что в Москве их приняли очень хорошо и щедро наделили манафактурой украинских рабочих.

Распределение манафактуры мы решили производить на территории завода. Для этого была избрана комиссия из 5 человек, в их числе и я. Мы приступили к выдаче манафактуры рабочим согласно спискам, плюс разделенный пай, принадлежавший хозяину. Это соответствовало решению завкома об экспроприации пая хозяина в отместку за то, что он лишил нас работы. Решение было одобрено всеми рабочими, но какими-то путями о нем узнал и хозяин.

Во время распределения манафактуры на завод явился его отец, который фактически был не у дел. Он потребовал пай, в чем ему было отказано. Старик был строптивый, горячий. Он набросился с палкой, которую всегда носил с собой, на председателя комиссии, но с помощью рабочих был выдворен с завода, а мы спокойно раздали всю манафактуру в тот же день.

Получение манафактуры подняло настроение рабочих завода, но не надолго. Работы не было. Вскоре мне удалось найти работу в литейном цеху в районе Южного вокзала, но и там долго проработать не пришлось.

Накануне революции

Город Запорожье (бывший Александровск) до революции насчитывал около 35 тысяч жителей. По тому времени это был достаточно развитый, хотя и небольшой, промышленный и торговый центр, раскинувшийся на левом берегу Днепра, неподалеку от знаменитых днепровских порогов. Отсюда и название города. Издавна на этих порогах селились запорожские казаки, бежавшие от деспотизма царей. Это они запечатлены на известной картине Репина, пишущими письмо турецкому султану.

В те времена город Запорожье утопал в зелени и был окружен сельскохозяйственными районами, на полях которых выращивались обильные урожаи замечательной украинской пшеницы (по 250 пудов отборного зерна с десятины) и овощей, напоенных щедрым украинским солнцем. Было широко развито животноводство и птицеводство, а садоводство (особенно в районах, расположенных по берегам Днепра) славилось далеко за пределами Екатеринославской губернии. Чумаки из таких районов, как Каменка и Знаменка, набив гарбу фруктами, добирались на лошадях или волах аж до Курской и Орловской губерний и лишь для того, чтобы продать яблоки и груши на полкопейки дороже. А вся-то гарба вмещала товара на 3–5 рублей, да и поездка длилась 1,5–2 месяца. Так что, случалось, приезжал чумаки обратно

не только без выручки, но и без волов.

Такое обилие сельскохозяйственной продукции привело к тому, что в Александровске был построен речной порт, из которого прославленная украинская пшеница и другие продукты экспортировались за границу.

Промышленность Запорожья была представлена восемнадцатью заводами, изготавливающими в основном сельскохозяйственные машины, начиная от бороны и веялки и кончая двухпароконными молотилками. Были также и другие мелкие предприятия, а также вагоноремонтный завод на Южном вокзале и Екатерининский паровозостроительный завод. В 1916 году начал, кроме того, строиться авиамоторный завод «Дека». Следует заметить, что впоследствии первый в нашей стране комбайн был построен на запорожском заводе «Коммунар» по инициативе его директора в то время – Ветчинкина.

Таким образом, уже до революции город Запорожье сформировался как довольно крупный аграрно-промышленный центр, в котором существовало ядро рабочего класса с явно выраженными революционными настроениями. Этому способствовало и то, что в каких-то семидесяти километрах от Запорожья располагался Днепропетровск (бывший Екатеринослав) с его знаменитыми старинными металлургическими заводами, на которых работало до 15 тысяч рабочих, где выковывались революционные кадры.

Следует заметить, что обстановка в Днепропетровске в

то время была уже так накалена, что полиция и жандармерия редко рисковала вмешиваться в конфликты между рабочими и предпринимателями и суд над провокаторами и изменниками рабочего дела вершился незамедлительно (на некоторых случаях постараюсь остановиться ниже). Поэтому о предстоящем революционном перевороте и назревающих революционных событиях определенные круги в Запорожье знали заблаговременно и были к ним готовы.

Основные революционные кадры черпались с завода «Дека» и Екатерининских мастерских. С первых дней февральской революции не было ни одного дня, чтобы где-нибудь не проходили митинги, ожесточенные дискуссии между эсерами, большевиками, меньшевиками, анархистами. Они затягивались до глубокой ночи и заканчивались, порой тем, что иного оратора, так и не найдя убедительных аргументов, просто стаскивали с трибуны и выволакивали из зала, что, однако не мешало ему упрямо лезть обратно на трибуну, чтобы закончить свою мысль.

Обычно эти митинги и собрания проходили в помещениях Земской управы и Народного дома, а вообще-то использовались любые мало-мальски пригодные помещения, в том числе и заводские цеха. И не было ни одного вечера, чтобы я не был на этих собраниях.

Время было горячее, революционное. Выступления меньшевиков, эсеров, анархистов носили глубокомысленный характер, были насыщены непонятными большинству аудито-

рии словами. Ведь многие из них были юристами, имели высшее образование. Зато выступления большевиков, как правило, были доступными, выражали чаяния простого народа и воспринимались рабочей аудиторией с большим интересом, пониманием и сочувствием. Стоило после штатного оратора – меньшевика выступить большевику, как меньшевика под свист и улюлюканье провожали из зала, а особо ретивым, бывало, и под бока поддадут. Поэтому меньшевики обычно очень не любили выступать на заводах, а узнав, что после них должен выступать большевик, часто отказывались от выступления.

Подавляющее большинство рабочих и крестьян в то время было безграмотно, не умели толком читать и писать, у многих за плечами было всего 2 класса народной школы и, как тогда говорили, "все коридоры всех гимназий". Поэтому теоретические тонкости меньшевиков и анархистов простому народу были малопонятны, а вот когда выступал большевик, его речь выслушивалась всегда с большим вниманием. Это объяснялось тем, что от большевиков выступал, как правило, рабочий, которого хорошо знали. Он говорил простым и понятным нам языком и всё, о чем он говорил и заботился, было нашим кровным.

Кроме того, большевики никогда не обещали золотых гор, говорили правдиво и предупреждали о предстоящей тяжелой борьбе и лишениях. И это тоже было понятно: – за счастье народа надо бороться.

Характерно, что всем выступающим на митингах и собраниях приходилось строить свою речь экспромтом. Ни у кого не было заранее подготовленного текста доклада, в лучшем случае – клочок бумажки с наскоро набросанными тезисами. Но как же слушали такого выступающего, с каким вниманием и интересом!

И вот сейчас, когда я пишу эти строки, приходят на ум выступления современных ораторов на разного рода собраниях или по телевидению. Читает такой оратор доклад по кем-то написанному тексту, запинается и чувствуется, что ему самому тошно, потому что и он и его слушатели все это и так знают, но поскольку он такое задание получил, то исполняет его до конца. А слушатели, коль скоро их обязали, высиживают, с трудом удерживаясь от того, чтобы не уснуть.

И так, впустую, люди тратят массу времени вместо того, чтобы использовать его для дела. Как это отличается от той революционной обстановки, о которой я вспоминаю!

На гражданской войне

В 1917 году в стране свершилась Октябрьская социалистическая революция и была установлена Советская власть. Этим событиям посвящено огромное количество исследований и публикаций, поэтому нет никакого смысла здесь на них останавливаться. Я коснусь лишь тех событий, участником которых мне пришлось быть самому.

В наступившем 1918 году положение Советской власти становилось критическим. В стране царила разруха, предприятия не работали или работали нестабильно. Во многих регионах начался голод. В довершение всех бед на молодую Советскую республику обрушились войска немецких, французских, английских, американских, японских интервентов. Кроме того, под руководством генералов Деникина и Колчака, барона Врангеля и белополяков было развернуто широкое наступление на всех фронтах с целью окончательного подавления власти рабочих и крестьян. Интервенты и белогвардейские войска были хорошо экипированы и вооружены новейшим по тем временам оружием. Противостояли же им разрозненные революционные части рабочих, солдат и крестьян, не располагавшие ни необходимой амуницией, ни оружием. И, несмотря на это, Советская власть устояла.

Для отпора контрреволюционным силам начали создаваться регулярные части Красной Армии. Были организова-

ны краткосрочные курсы красных командиров. В Красную Армию начали привлекаться военные специалисты, служившие в царской армии и выразившие добровольное согласие защищать народную власть. Начали создаваться добровольческие отряды Красной Армии, в которые отбирались члены партии большевиков, рабочие и крестьяне, желавшие встать на защиту власти Советов.

В это время я узнал, что в Шенвизе разместился штаб седьмой стрелковой дивизии четырнадцатой армии Южного фронта, а в здании немецкой школы – отдельный инженерный батальон этой дивизии. В обед, не снимая спецовки, я явился к командиру этого батальона и заявил о своем желании добровольно вступить в Красную Армию. Командир окинул меня взглядом и спросил, сколько мне лет. Узнав, что мне нет еще семнадцати, он в зачислении в батальон отказал. Тогда я обратился к комиссару батальона, но, учтя недавний неудачный опыт, на тот же вопрос сообщил, что мне уже восемнадцать лет и что со мной пришли еще товарищи, желающие записаться в Красную Армию. Меня тут же записали, и я стал бойцом отдельного инженерного батальона 7-ой стрелковой дивизии Красной Армии.

Теперь мне надо было поставить в известность о принятом решении моих родителей. Новость эта была воспринята неоднозначно. Мачеха отнеслась к ней отрицательно, ведь как-никак я оказывал солидную материальную помощь семье. Зато отец, придя вечером домой после работы, мое ре-

шение одобрил.

Я уже упоминал, что отец никогда не учился, но еврейский язык он знал, умел писать и читать. Русский он выучил сам и впоследствии довольно бегло разговаривал, читал и даже писал по – русски (этим, кстати, объясняется то, что ни я, ни мои братья, кроме одного, не только не владели еврейским письмом, но и разговорным языком владели плохо, так как постоянно вращались в русской среде).

Отец от природы был умный и благородный человек и везде, где работал и жил, пользовался большим уважением. У нас с ним понимание устанавливалось всегда с полуслова. Вот и на этот раз он сразу понял, чем продиктовано мое решение, какую власть я иду защищать, и одобрил его безоговорочно. В Красной Армии я прослужил с конца 1918 до 1921 года, участвуя в боях с войсками генерала Деникина, белополяков, барона Врангеля.

При вступлении в Красную Армию ни я, ни мои товарищи с завода никакого опыта владения оружием не имели. Поэтому первым делом нас начали обучать, как пользоваться винтовкой и пулеметом. Нужно сказать, что в то время Красная Армия испытывала острый недостаток в вооружениях. В частности, на весь батальон приходилось всего четыре пулемета. Винтовки наши отличались тем, что после интенсивной стрельбы в течение 3–4 минут конец ствола лопался, и у нас оставались одни патроны. Положение с оружием было настолько острым, что тульский оружейный завод, выпускав-

ший винтовки в 1920 году, не успевал покрывать их лаком. Поэтому эти винтовки были светлыми в отличие от винтовок царского времени, которые были покрыты темной краской.

Пулеметы во время гражданской войны изготавливались на заводах тоже на скорую руку. Часть специалистов удрала к белым и за границу, районы, где выплавлялся хороший металл, были оккупированы. Поэтому наше стрелковое оружие высоким качеством не отличалось. Зато бронепоезда и бронекатера, которые наши рабочие и специалисты создавали, проявляя сметку и изобретательность, были на славу, и оказывали нам, порой, великую помощь.

Летом 1919 года наш батальон, в котором состояло около 75 человек, получил приказ отступить из Запорожья. Как формирующуюся часть нас погрузили в вагоны и перебросили в район станции Чапилино, где нам поручили восстановить взорванный деникинцами мост и переправить около 20 составов с вооружением и другим имуществом. Несмотря на то, что переправа производилась под артиллерийским огнем белых, а все бойцы были новичками – слесарями, столярами, литейщиками и т. п., мы все же с поставленной задачей справились и были направлены в Днепропетровск для продолжения формирования.

Нас разместили в бывшей гостинице на углу улицы Широкой, однако через некоторое время был снова получен приказ об отходе, и мы с боями отступали далее до Кременчуга, где расположились в казармах на окраине города.

Обычно, получалось так, что наш батальон отступал последним. Это было связано с тем, что на нас возлагались обязанности по подрыву мостов, различных коммуникаций и т. п. Так вышло и при отступлении от Кременчуга в направлении Бахмут-Конотоп.

Для подрыва моста наш батальон оставил группу в 10 человек, в которую вошел и я. Взорвав мост, наша группа пошла на соединение с батальоном, но на полдороге попала в засаду, устроенную бандой «зеленых». В 1918–21 г.г. на Украине таких банд с разными названиями расплодилось множество. Некоторые из них были малочисленными, другие представляли собой целые армии. Именовали они себя идейными анархистами, борцами за «самостийную» Украину, на деле же были обыкновенными грабителями и мародерами. В основном они занимались разбоем и грабежами населения, но при случае нападали на разрозненные и разбитые воинские части с целью захвата оружия. Предводители этих банд, такие как Петлюра, Скоропадский, заявляя на словах о борьбе за самостийную Украину, на деле способствовали разворовыванию богатств страны немецкими оккупантами. Украинское зерно вывозилось поездами, а чтобы его было побольше, крыши вагонов срывались и зерно загружалось "насыпью".

Бандиты эти люто ненавидели коммунистов и евреев, и если кто-нибудь попадал к ним в руки, то на спинах вырезали звезды, из кожи нарезали ремни, а потом убивали без

пощады. Вот на такую банду и нарвалась наша группа. Правда, это была не вся банда, а лишь ее часть, остальные бандиты находились где-то поблизости. Начались допросы. Мне предложили стать в сторонку, а остальным предложили примкнуть к бандитам. Начались торги. Мои товарищи доказывали, что мы с одного завода и что я их товарищ, но бандиты настаивали, что я «жид» и поэтому буду уничтожен.

Не знаю, как долго продолжался бы этот спор и чем бы он закончился, но, вдруг, послышалась артиллерийская канонада, и стало ясно, что на подходе регулярные части Красной Армии. Это вынудило бандитов в панике отступить, и мы смогли продолжить путь на соединение со своей частью, которую настигли уже в городе Конотопе.

Первое боевое крещение я, и мои товарищи с завода, получили в районе города Бахмач. В один из июльских вечеров мы находились в теплушках на станции. Стемнело, и для освещения теплушек мы жгли телефонный кабель, предварительно натянув его от одной стенки вагона до другой. Накануне мы получили вагон взрывчатки (пироксилина) для проведения подрывных работ, а для личной обороны нам всем раздали в тот день винтовки и по 15–20 патронов. Настроение у нас было не очень веселым. Мы оставляли хлебные края и уходили все дальше от родных мест. Часов в 9 вечера к нам подошел какой-то крестьянин и, сказав, что он из ближайшего села, спросил: – "Вы чего здесь дожидаетесь? Ведь в деревне Вировка, что в 3 километрах от Бахмача, рас-

положился отряд белоказаков примерно в 300 человек, вооруженный до зубов".

Командиром нашего батальона в то время был бывший полковник царской армии, латыш – большевик товарищ Мендэ. Кроме того, незадолго до этих событий к нам прислали двух молодых питерских рабочих, окончивших командные курсы. Товарищ Мендэ приказал этим командирам отправиться в разведку и на месте изучить ситуацию. Часа через полтора наши разведчики вернулись и доложили, что крестьянин сказал правду. Действительно, в деревне Вировка расположился отряд казаков сабель в триста. В нашем же батальоне было 75 плохо вооруженных, необстрелянных бойцов. Мы, как всегда были в арьергарде, помощи ждать было неоткуда.

Командир батальона приказал срочно принять меры к спасению нашего инженерного имущества, вагонов и взрывчатки. Но легко сказать "принять меры", ведь паровоза у нас не было и, вообще, на станции в тот вечер не было ни одного состава. Однако, обследовав депо, мы обнаружили в нем четырехцилиндровый паровоз. Срочно приступили к разжиганию топки шпалами. К трем часам ночи мы подняли пары и прицепили паровоз к составу.

Тихо, без сигналов тронулся наш состав в направлении Голино. Вели его машинист и кочегары, ведь наша часть, состояла из рабочих различных профессий. Однако далеко уехать нам не удалось: через семь-восемь километров мы

уперлись впереди стоящий состав.

Когда же мы обследовали дальнейший путь, то выяснили, что там стоят еще восемь составов, причем один из них – штабной. Далее путь был взорван. Людей в составах не было, видно все ушли вперед в направлении станции Дочь, перед которой был большой железнодорожный мост. Командир послал связного на станцию Дочь с тем, чтобы он связался с ближайшей воинской частью и выяснил обстановку. К этому времени уже рассвело и, когда вошло солнце, мы увидели, в трех километрах от нас казаков, показавшихся на опушке леса. Командир приказал занять оборону, и мы залегли в кювете вдоль железнодорожного полотна. Следуя указаниям командира Мендэ, мы встречали каждое появление казаков дружными залпами. И, несмотря на то, что нас было всего 75 бойцов против 300 казаков, мы стойко отбивали все атаки в течение четырех часов. После этого к нам прорвался бронепоезд "Первый бронебашенный". Он обстрелял казаков из орудий и пулеметов, снабдил нас патронами и восстановил с нашей помощью взорванный путь. В результате мы отправили все стоящие впереди нас составы, и ушли вслед за ними. Проехав мост перед станцией Дочь, мы взорвали его, отрезав белым путь для преследования.

Не прояви наш командир должной твердости и мужества или пояись в наших рядах паника, никому из нас из этого боя живыми уйти бы не удалось. Для казаков мы, беспорядочно рассыпавшиеся в степи, не представляли никакой си-

лы и нас всех уничтожили бы в первой кавалерийской атаке за каких-нибудь двадцать минут. Но, благодаря сплоченности и дисциплине наш небольшой батальон оказался для них непреодолимой преградой и мы не только вышли из боя, не потеряв ни одного человека, но и нанесли урон живой силе противника. Свой штаб мы нагнали в 70 километров от этого места.

Осень 1919 года была, пожалуй, самым трудным временем для молодой Советской республики. Деникин подходил к Туле. Колчак наступал в Сибири. Юденич стоял под Питером. Молодая Советская власть ошестинилась, сжалась в кулак и приготовилась к смертельной борьбе.

Но еще более страшным врагом были голод и болезни. Свирепствовал тиф. Надвигалась зима. Красноармейцы же были одеты в легкие шинелишки и получали по четверти фунта хлеба в день. Местом формирования нашего батальона было село Полпино, что в 15 километрах от Брянска. В то время это было небольшое село, в котором имелась всего одна улица. С продуктами было плохо. Хлеб, который пекли в этом селе, представлял собой смесь небольшой части ржаной муки крупного помола с печеным картофелем и толченой коноплей. Все это замешивалось почти без соли (соль была еще более дефицитна, чем хлеб) и запекалось в печи. Называлось это изделие хлебом выпуска 1919 года для Орловской области.

Жители села были практически безграмотны. Школы не

было. Мужская половина населения почти отсутствовала: часть находилась в рядах Красной Армии, другие скрывались в лесах, которыми и сейчас славится Брянская область. Противостояли же нам белые армии: прекрасно вооруженные, тепло одетые, сытые, пьяные, уверенные в победе.

Находясь под Тулой, Деникин уже назначил день молебна и парада своих войск в честь взятия Москвы. К тому же объявился новый враг: – войну Советской России объявила панская Польша. ЦК партии под руководством Ленина приступил к мобилизации рабочего класса, беднейшего крестьянства, всех революционных сил для отпора врагу.

Была объявлена Партийная неделя. В это время мне было уже 18 лет. Как-то ко мне обратился политрук. Это был молодой человек, лет двадцати трех – днепропетровский рабочий. Он сказал: – "Петр, ты – рабочий, из семьи рабочего, поступил добровольцем в Красную Армию. Твое место в рядах большевиков".

Разговор был простой, понятный. Обстановка тяжелая. Тиф косит людей. С фронтов вести плохие. Было ясно, что если не отдать все свои силы полностью без остатка, не видать нам Советской власти, не построить наш коммунизм, в который мы верили всеми нашими чувствами. А возврата к старому строю, к эксплуатации, к рабству, унижениям, несправедливости и бесправию, ох как не хотелось, может еще больше, чем до революции!

Для каждого из нас было ясно – лучше смерть, чем воз-

врат к прошлому. Так думал не только я. Так думало подавляющее большинство рабочих и крестьян – бойцов Красной Армии, для которых приоткрылось новое светлое будущее. Мы готовы были голодать, мерзнуть, отдать последнюю каплю крови во имя этого будущего, но обязательно победить. Поэтому боевой дух наших войск был исключительно высок, несмотря на все трудности, чем не могли похвастать белогвардейские генералы. Ведь ни одна из их частей, в действительности, не была надежна.

Лучшая часть русской интеллигенции также встала на защиту Родины от белогвардейцев и интервентов. Помню, нам зачитывали обращение прославленного царского генерала Брусилова "К русским братьям". Все оно помещалось на одном листке. Написанное простым языком, оно страстно призывало население отдать все силы для разгрома белополяков, посягнувших на русскую землю, и имело среди солдат огромный успех. А сам Брусилов, придерживавшийся до этого нейтралитета, не выдержал и предложил свои услуги командованию Красной Армии.

На обращение политрука я ответил согласием. Но он, для того, чтобы я мог прийти к своему решению сознательно, дал мне для проработки вопроса "Коммунистический манифест" Маркса и Энгельса, напечатанный на толстой серой бумаге большого формата. Возможно, мне нужна была другая, более доступная для моего уровня понимания книга, но других книг у него не было.

Ох, и трудно одолевал я этот «Манифест»! Ведь, это была моя первая политическая книга. Но с помощью политрука, я ее все же одолел, после чего мое желание вступить в партию большевиков не изменилось, а наоборот укрепилось. Вскоре политрук был отозван и комиссар начал готовить меня для политработы.

К этому времени Красной Армией были разгромлены Юденич под Петроградом, Деникин под Тулой, на восток погнали Колчака, началось быстрое продвижение Красной Армии на юг. Большую роль в разгроме деникинцев сыграли латышские полки, являвшиеся образцовыми подразделениями Красной Армии. Всегда подтянутые, дисциплинированные, бесстрашные, внешне красивые, один в один, латыши выглядели богатырями, перед которыми не могли устоять даже отборные части белых. Весной 1920 года, в результате разгрома Деникина Украина вздохнула свободнее. Но оставались еще белополяки, Врангель, Махно и другие.

Курсы Политотдела Юго-Западного фронта

Наша часть остановилась в Полтаве. Я уже был коммунистом, и партийные руководители части направили меня на Военно-политические курсы Политотдела Юго-Западного фронта в город Харьков. Мне предстояло получить политическую подготовку для того, чтобы более квалифицированно и доходчиво разъяснять бойцам и населению очередные задачи партии и Советской власти, рассказывать о коммунистическом будущем, путях его построения. Это было большим доверием, ведь мне еще не исполнилось и 19 лет. Конечно, за спиной у меня уже были завод и армия. Грамоте я учился сам по газетам и листовкам. Но зато ненависти к белогвардейцам и эксплуататорам учить меня было не нужно, ее хватило бы на десятерых. И это часто подсказывало мне решения в трудных ситуациях.

На учебу я поехал с гордостью и желанием. В течение шести месяцев предстояло овладеть большим объемом знаний. Занимались мы с 8 утра до 10 вечера. Это были незабываемые дни. Я не помню, что бы кто-нибудь отлынивал от учебы. Мы, как губка влагу, впитывали в себя каждое слово преподавателя. Вряд ли сегодня можно найти подобную аудиторию. Да и преподаватели у нас тогда были особенные. Они не имели ученых трудов и степеней. Весь материал они дер-

жали в голове, пользуясь для памяти лишь небольшими конспектами, уместившимися на нескольких листках бумаги.

Но каков был язык, каков темперамент изложения! Располагая революционным опытом, они так излагали нам историю мирового революционного движения, Парижской коммуны, что мы слушали их, затаив дыхание. Нынешние профессора и ученые могли бы позавидовать нашим первым преподавателям.

Питались и одевались преподаватели и слушатели в то время очень скудно. Но мы и не претендовали на большее. И если бы кто-то из нас высказал недовольство по этому поводу, то на него посмотрели как на редкое ископаемое.

Иначе и быть не могло. Каждый отлично понимал, что тяжесть положения, переживаемого Советской властью, должны разделять все в одинаковой степени, будь-то председатель Совнаркома, работник ЦК, командир и политработник, руководитель предприятия и рядовой рабочий. Иначе Советской власти не быть!

В те годы коммунист – руководитель, находящийся на ответственном был строго ограничен в зарплате партийным максимумом, тогда как рабочий мог зарабатывать в два, а иногда в три раза больше, чем любой руководящий партиец. Эти ограничения распространялись также на коммунистов – писателей, художников, артистов, кроме коммунистов, работающих на производстве. В этом самоограничении правящей партии было много мудрости и благородства.

Оно свидетельствовало о том, что в партию люди вступали не ради выгоды и привилегий, а ради служения высоким целям построения нового коммунистического общества. Это видел и понимал народ, и это имело неоценимое значение для консолидации общества.

Но недолго длилась моя учеба. В мае 1920 года белополяки, поддерживаемые французским капиталом, начали быстро продвигаться в глубь Украины, взяли Киев и Триполье. Нужно было организовать отпор польским панам.

Начальником политотдела Юго-Западного фронта был Владимир Петрович Потемкин. Он преподавал нам на курсах «Мироздание». Это был известный революционер, высокообразованный, интеллигентный и, в то же время, мужественный, решительный и справедливый человек. Однажды, явившись на лекцию, Владимир Петрович сказал нам, что на польском фронте сложилось очень тяжелое положение и нужна срочная помощь. Командование Юго-Западного фронта решило направить на польский фронт курсантов – добровольцев под его командованием, поэтому кто желает, может записаться. Все курсанты были коммунистами или комсомольцами и, понятно, как один, подняли руки, выразив желание отправиться на польский фронт.

Один из курсантов по фамилии Юдчак тоже поднял руку, чтобы идти на фронт, но он был настолько, близорук, что, несмотря на толстые очки, плохо видел даже вблизи. Поэтому на фронт его брать было никак нельзя. Но он с этим не

соглашался. Нам пришлось долго его убеждать, но убедить его так и не смогли, и заставили остаться в Харькове в порядке партийной дисциплины.

На фронт с нами поехал В. П. Потемкин. Заведующий политпросвета политотдела товарищ Арманд был назначен командиром нашего батальона. Командиром роты курсантов был назначен начальник наших курсов товарищ Иванов. Ехали мы на фронт налегке. Лишняя пара портянок, смена белья и сапоги – вот и весь наш солдатский гардероб. Рассуждали просто. Если убьют – вещи не понадобятся. Если же ранят или останемся невредимыми, то после разгрома поляков (другого исхода мы не предвидели) вернемся на курсы, так что вещи таскать с собой незачем.

На польском фронте

Наша часть была прикомандирована к Днепровской флотилии и должна была использоваться в качестве десантной, с тем, чтобы теснить противника вдоль берегов Днепра и оттягивать его силы на себя. Боевые действия мы начали, высадившись в первых числах июня в районе приднепровской деревни Стайки, и на рассвете с ходу перешли в наступление.

К 12 часам дня мы взяли Стайки, а затем деревню Виточево и двинулись на Триполье. Но, наступая на Триполье, мы столкнулись с сильно укрепленными позициями противника. Поляки встретили нас артиллерийским и пулеметным огнем и мы, потеряв часть товарищей, вынуждены были вернуться на судно.

Несколько слов о том, что представляло собой, так называемое, боевое судно Днепровской флотилии. Это был обычный грузовой пароходишко со скоростью не на много превышающей скорость черепахи, и со стажем в несколько десятков лет. Такие пароходики были отремонтированы рабочими, на них были установлены трех- и шестидюймовые орудия с морских военных судов, а также несколько пулеметов. По тем временам такое вооружение можно было бы признать совсем неплохим, если не считать того, что после каждого выстрела кормового орудия корма настолько уходила в воду, что по палубе боевого судна прокатывалась волна. То же, но

в обратном порядке, происходило, когда стреляло носовое орудие. Зато моряки на этих судах были настоящие – балтийские и черноморские. Вскоре стало ясно, что помощь фронту, если мы будем базироваться на этих судах, вряд ли будет эффективной, зато мы рано или поздно отправимся на тот свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.